

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

НА ПОРОГЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОБЫТИЯ «КОРНИЛОВСКИХ ДНЕЙ» 1917 ГОДА В ВЫБОРГСКОМ ГАРНИЗОНЕ

А н н о т а ц и я . Статья основана на материалах хранящегося в РГВИА и впервые вводимого в научный оборот следственного дела, проводившегося осенью 1917 года в 42-м армейском корпусе, дислоцированном в Финляндии. Расследование было связано с установлением причин и последствий эксцессов в Выборгском гарнизоне в дни антиправительственного выступления генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства, которые привели к эскалации насилия нижних чинов по отношению к офицерам гарнизона и крепости. Обращение к материалам источника представляется актуальным в связи с общественно-научной полемикой вокруг событий 1917 года, участники которой пытаются определить происходившее как революцию или же как смуту и исследуют механизмы вовлечения рядовых солдат и матросов в акции насилия в условиях взрывной политизации общества на пороге гражданской войны в России. На примере трагических событий в Выборгском гарнизоне показано, что процессы «демократизации» в армии и на флоте приводили к появлению в выборных войсковых комитетах рядовых и нижних офицеров, которые прежде были отчуждены от политической жизни и осваивали ее навыки лишь в ходе революции. Сделано заключение, что недостаточно реализованная возможность поиска общего языка с основной массой рядовых военнослужащих стала причиной оторванности представителей «комитетского класса» от первоначально выразивших им доверие солдат и матросов, а также неспособности оградить офицерский состав как от эксцессов, сопровождавших протестные движения нижних чинов, так и от криминального насилия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : революция 1917 года, Выборгский гарнизон, «дело Корнилова», убийства офицеров, следственные материалы

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дубровская Е. Ю. На пороге гражданской войны: события «корниловских дней» 1917 года в Выборгском гарнизоне // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1285

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война (1914–1918) стала причиной крайне динамичных перемен в состоянии российского общества, в его отношении к государственным и общественным институтам и, как следствие, в настроениях и представлениях моряков и армейцев российских войск, дислоцированных в автономном Великом княжестве Финляндском, на северо-западном рубеже воюющей империи. Общее количество размещенных здесь сухопутных войск в августе 1917 года составило около 100 тыс. человек; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. человек [13: 173, 180].

Уже в первые месяцы Российской революции 1917 года вслед за социально-политическими изменениями в армейской и флотской среде произошли перемены в культурной и религиозной жизни. В наибольшей мере эти процессы коснулись матросов и солдат как самых массовых участников Первой мировой, повлияв на восприятие ими окружающего мира и сформировав новый политический язык революции, а затем и язык гражданской войны [11: 71–83].

Актуальность данного исследования определяется значимой ролью военного фактора на постимперском пространстве России в XX веке, рассматриваемого в связи с изучением проблемы «человек на войне»¹. В дальнейшей разработке

нуждается ее аспект «революция и человек», обусловленный изменением политических взглядов и позиций участников Первой мировой войны – моряков-балтийцев, солдат и офицеров финляндских гарнизонов – в обстановке общественных потрясений Российской революции 1917 года. Дискуссии исследователей об определениях вооруженных конфликтов и принципах их классификации свидетельствуют о востребованности работ по истории внутренних вооруженных конфликтов. Актуальные для современности задачи прекращения, ограничения, локализации и предотвращения гражданских войн придают особое значение изучению отразившихся в письменных источниках различных аспектов зарождения, ведения и завершения внутренних вооруженных конфликтов [7: 10–13].

Применение историко-антропологического подхода к исследованию социально-культурного измерения войны требует обращения к таким малоизученным или не изучавшимся прежде источникам, как служебно-аналитическая документация военного ведомства, публикации в финляндской русскоязычной военной периодике, письма военнослужащих в редакции выходивших в Финляндии русских газет или же недавно увидевшие свет воспоминания очевидца о пережитом в бывшей великокняжеской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) весной – осенью 1917 года².

Особый интерес представляют сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) материалы следственной комиссии при 42-м армейском корпусе, связанные с установлением причины эксцессов в финляндских войсках в дни предпринятого в конце августа 1917 года антиправительственного выступления генерала Л. Г. Корнилова, который возглавлял тогда русскую армию³. На основе этого источника можно проследить за ходом разворачивавшихся в Выборге трагических событий, которые привели к гибели командира корпуса генерала от кавалерии В. А. Орановского вместе с высшими офицерами гарнизона и крепости.

Как и по всей стране, в финляндских войсках после Февральской революции резко ускорилось накопление «горючего материала» для гражданской войны [8: 22–23]. В советской исторической науке было принято оценивать дислоцированные в Финляндии армейские и флотские части, которые именовались финляндскими войсками, исключительно как «боевой резерв революционного Петрограда»⁴.

Долгое время в отечественной науке доминировал тезис о «петроградочентричности» революционного процесса, и все происходившее

в стране рассматривалось как ответ на импульсы из мятежной столицы, полученные в одностороннем порядке. Современные исследователи отмечают самостоятельную революционную линию, которую осенью 1917 года после подавления корниловского выступления начали проводить матросы балтийских военно-морских баз и солдаты гельсингфорсского гарнизона [1: 261–265], [3: 154–155], [9: 279–281].

Российская революция 1917 года в финляндских гарнизонах и гражданская война 1918 года в Финляндии изучались достаточно активно отечественными и зарубежными историками. В последние годы в исторической науке стал утверждаться подход к осмыслению этих событий и последующих вооруженных конфликтов на постимперском пространстве в качестве единого революционного процесса [4: 41]. Обзор отечественной исследовательской литературы о положении на Балтийском флоте накануне и в дни корниловского выступления приведен петербургскими историками Д. А. Бажановым и Р. А. Бугаевым. Авторы статьи, посвященной изучению института комиссаров революционных органов власти на Балтике, пришли к заключению, что спокойствие, сохранявшееся тогда в Финляндии, объясняется единством позиции этих органов, сумевших преодолеть внутренние разногласия и быстро реагиовавших на события в Петрограде [2: 62]. Однако рассмотренные ими обстоятельства гибели офицеров в Выборге все же свидетельствуют о том, что здесь ситуация складывалась не так однозначно.

По наблюдениям профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. И. Колоницкого, до корниловского выступления большинство офицеров стремилось не мешать происходящему, а рядовые, хотя и относились с подозрением к своим офицерам, все еще верили в законность Временного правительства, поскольку его деятельность контролировалась Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, а контроль выборных матросских и солдатских комитетов и комиссаров над штабами символизировал это на местах. «Корниловские дни» радикально изменили ситуацию: упал авторитет командования, рушилась дисциплина. О Корнилове говорили, как до этого о большевиках, что он немецкий шпион. Полный развал армии сопровождался недоверием ко всем офицерам как к потенциальным «корниловцам», любой генерал или офицер оказывался под подозрением, кто-то из них «боялся своих собственных солдат больше, чем противника, желая пережить “смутное время”». Армия перестала быть силой, которая могла предотвратить гражданскую войну [10: 99–113].

Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова В. И. Голдин подчеркивает, что конфликт между Ставкой командования и Временным правительством, приведший к попытке организации похода войск под командованием генерала Корнилова на Петроград, стал проявлением гражданской войны и «опасным эксцессом, но не более». До широкомасштабного и продолжительного вооруженного конфликта, охватившего страну и направленного на захват и удержание власти, дело тогда не доходило [5: 229–230]. Однако тема гражданской войны активно обсуждалась в обществе сразу же после Февральской революции, а об ее угрозе с особой тревогой писали газеты различных направлений в дни политических кризисов лета 1917 года⁵. В новейшей коллективной монографии петербургских историков, посвященной политическому использованию понятия «гражданская война», Б. И. Колоницкий и К. В. Годунов отметили: точно доказать или опровергнуть вывод о «корниловщине» как о начале гражданской войны (или как о событии, сделавшем такую войну неизбежной) очень трудно. Однако несомненным остается необычайно важное значение «корниловских дней», когда ожидание ее было особенно напряженным. Так называемое «дело Корнилова» сопровождалось противостоянием различных войсковых соединений российской армии. Механизм гражданской войны был запущен, и, хотя выступление мятежного генерала не переросло в боевые столкновения, оно вызвало всплеск политического насилия [6: 324–344].

Как показали Д. А. Бажанов и Р. А. Бугаев, в некоторых случаях комиссары возникших в эти дни чрезвычайных революционных органов, назначенные из Гельсингфорса в команды, части и подразделения, «были склонны потакать вспышкам радикализма личного состава в отношении своих офицеров», что способствовало новым случаям насилия в армии и на флоте [2: 62]. По образному выражению Б. И. Колоницкого, «дело Корнилова» содействовало «созданию инфраструктуры гражданской войны»: в обстановке кризиса «ревкомы производили самозахват ресурсов, устанавливали контроль над транспортом и телеграфом, запасами оружия, вводили цензуру» [10: 110–111].

Снижению общественной напряженности после «корниловских событий» не способствовало появление публицистических изданий, подобных тем, что осенью 1917 года были подготовлены старшим производителем работ 1-го Строительства капитаном А. В. Нищенским, жившим на станции Лумяки. С помощью типограф-

ской машины, купленной в Выборге в частную собственность, он в течение июля – октября сумел выпустить несколько политических брошюр, в том числе с весьма говорящими названиями («Корниловское предательство», «Почему взбунтовались генералы?» и др.)⁶.

Антиправительственное выступление генерала Корнилова, оказавшееся неудачной попыткой установить в России военную диктатуру для ликвидации двоевластия в стране, окончательно подорвало блок между политическими силами умеренных социалистов и либералов. В энциклопедическом издании 2014 года события 27–31 августа представлены как «заговор» консервативных кругов российского общества против демократических органов самоуправления и социалистических партий с целью пресечения деятельности левых радикалов⁷. Споры историков о «деле Корнилова» продолжаются, некоторые, вслед за сторонниками мятежного генерала, утверждают, что он не готовил заговор против Временного правительства. Сложившаяся в войсках ситуация, при которой осенью 1917 года любой генерал или офицер оказывался под подозрением, современной исторической наукой расценивается как трагическая⁸. В дни антиправительственного выступления Верховного главнокомандующего в Выборге и Гельсингфорсе были убиты офицеры, совершенно не причастные к планам Корнилова, а в политическом языке появилось слово «корниловцы» [10: 110–113].

«ОФИЦЕРСКАЯ ШКОЛА ПЛАВАНИЯ»

Известия о выступлении корниловцев были получены в Выборге в полдень 28 августа, когда стало известно содержание нескольких телеграмм, свидетельствовавших о причастности генштаба к «заговору Корнилова». В частности, о переброске 1-й Донской казачьей дивизии из Финляндии на соединение с войсками так называемой Петербургской армии под командованием генерала А. М. Крымова. Как пишет американский историк А. Уайльдман, это повлекло за собой аресты среди высшего командного состава, произведенные местным Советом и армейским комитетом [14: 215]. Во время выборгских событий августа 1917 года готовность нижних чинов прибегнуть к насилию как средству для достижения своих целей проявилась со всей очевидностью. Об этом свидетельствуют обнаруженные в материалах следственной комиссии при 42-м армейском корпусе показания подпоручика Александра Михайловича Разсудовского, с первых дней революции избранного в Выборгский совет рабочих и солдатских депутатов.

Объединенное заседание Выборгского совета, комитетов гарнизона и армейского комитета 42-го корпуса, состоявшееся 28 августа около 14 часов, обязало все войсковые комитеты подчиняться только Совету и корпусному комитету и потребовало установить охрану оружия и привести его в порядок, чтобы в любую минуту быть готовыми выполнять распоряжения революционных организаций. При штабе корпуса вводился контроль за корреспонденцией, а приказы командира корпуса исполнялись лишь в случае, если были санкционированы армейским комитетом или Выборгским советом.

Телеграммой, отправленной в военный отдел Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), заверили, что 42-й корпус и Выборгский гарнизон находятся в его распоряжении: «по первому зову выступим против мятежников, предводимых генералом Корниловым». Председатель армейского комитета меньшевик Алексей Масленников и товарищ председателя Совета А. Заонегин отправились к командиру корпуса В. А. Орановскому, чтобы заявить ему об установленном дежурстве депутатов Совета у аппаратов связи⁹.

Через полмесяца после событий в Выборге подпоручик Разсудовский сообщил следственной комиссии, что узнал о подробностях этой встречи от делегатов, которые 28 августа разговаривали с командиром корпуса, и из выступления прапорщика Масленникова. Генерал Орановский огласил тогда Масленникову и Заонегину все полученные им телеграммы от командующих армий, где выражалась «солидарность действий с генералом Корниловым». Командир корпуса заявил, что сам он присягает Временному правительству и будет подчиняться только временно главнокомандующему, назначенному им вместо Корнилова, а того считает мятежником. Генерал послал телеграммы Временному правительству и ВЦИК, заверив центральные органы власти, что все части корпуса находятся в их полном распоряжении и готовы в любой момент выйти в Петроград для подавления корниловского мятежа¹⁰.

Как сообщалось в телеграмме Орановского на имя генерал-лейтенанта А. Ю. Станкевича, начальника дислоцированной в Финляндии 106-й пехотной дивизии,

«Временное правительство отрешило генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего. Генерал Корнилов не подчинился этому распоряжению. Переговоры между Временным правительством и генералом Корниловым продолжаются. Все войска присягали Временному правительству и, несмотря на присягу, должны подчиняться тем начальникам, которые этой властью поставлены. О таком моем решении, согласо-

вавшись со взглядом армейского комитета, я телеграфировал Временному правительству»¹¹.

От имени армейского комитета в части корпуса была отправлена информация за подписью Масленникова о том, что генерал Орановский признает высшую власть правительства, что комитет установил контроль в штабе корпуса и что все приказания о передвижении частей будут издаваться с ведома комитета. Войскам предписывалось воздержаться от каких-либо выступлений без распоряжений комитета и уведомить об этом соседние части¹². Общее собрание Выборгского совета, проходившее в переполненном зале, заслушало доклад представителей комитета об их разговоре с командиром корпуса и встретило известия громом аплодисментов.

Утром 29 августа в Выборг приехал подпоручик 509-го Гжатского пехотного полка А. Сасов¹³, направленный в штаб корпуса в качестве комиссара Революционного комитета – чрезвычайного органа управления, накануне созданного в Гельсингфорсе [2: 59]. Согласно показаниям Разсудовского, в то время, когда Сасов докладывал об этом начальнику штаба, в кабинет вошел генерал Орановский и заявил, что никаких комиссаров, помимо присланных Временным правительством, не признает и с Сасовым разговаривать не желает. Командир корпуса телеграфировал в Петроград военному и морскому министру о том, что он удалил из штаба гельсингфорского комиссара. В 10 часов утра Сасов сообщил об этом инциденте участникам совместного заседания исполкома Совета и армейского комитета, которые постановили арестовать Орановского за отказ признать Сасова комиссаром¹⁴.

Прибыв на заседание и узнав, что Сасов не является тем комиссаром Временного правительства, которого ожидали в Выборге, Масленников нашел действия командира корпуса правильными и заметил, что Сасов не должен был являться в штаб без ведома комитета. После оглашения телеграмм от полков с требованием ареста Орановского этот вопрос стали решать голосованием: за арест было подано 12 голосов, против – 14. Однако через полчаса после закрытия собрания по телефону из Гельсингфорса Масленникову сообщили о полученной там телеграмме за подписью подполковника Н. Б. Кюрениуса. В ней излагалось требование обер-квартирмейстера корпуса генерал-майора В. Н. Васильева обеспечить обязательный офицерский контроль над всеми сообщениями, передаваемыми верховному командованию¹⁵.

Содержание этой телеграммы Масленников и другие члены комитета сочли «контрреволюционным» и указывающим на содействие Корни-

лову. Присутствовавшие в здании Совета члены исполнительного и армейского комитетов постановили арестовать Орановского и Васильева, а также коменданта крепости генерал-майора Ф. В. Степанова, подполковника Кюрениуса, старшего военного цензора Арцыбашева и начальника крепостного артиллерийского полка Лебедева. В показаниях Разсудовского отмечено, что список составлялся по заявлениям присутствующих и депутатов «без особого обсуждения» каждого из офицеров, «подлежавших аресту»¹⁶.

В 15 часов председатель армейского комитета Масленников и комиссар Сасов вместе с полуротой вооруженных винтовками солдат Выборгской крепостной минной роты на двух автомобилях отправились в штаб корпуса, где арестовали четырех офицеров, обозначенных в списке первыми. Как свидетельствовал Разсудовский, на объявление об аресте командир корпуса спокойно улыбнулся и спросил: «Почему?». Масленников заявил, что «имеются неопровержимые доказательства о причастности Орановского и других к контрреволюционному заговору Корнилова», однако все офицеры были спокойны и выражали удивление по поводу причин ареста.

Когда арестованные выходили из штаба, присланный за ними автомобиль окружила толпа солдат вперемешку с охранявшей его полуротой. По словам очевидца, «толпа была в повышенном настроении и требовала, чтобы арестованные шли пешком», но Масленникову удалось убедить собравшихся в бессмысленности такого требования. Командир корпуса просил применить к нему домашний арест, но комиссар Сасов был категорически против. Арестованных решили поместить на гауптвахту, весь путь к месту заключения толпа следовала за автомобилем. Здесь Сасов потребовал, чтобы арестованных посадили в солдатский карцер. Генерал Орановский оказался в одиночной камере, трое других офицеров находились вместе. Масленников вернулся на заседание Совета и доложил, что постановление исполнено¹⁷.

Через четверть часа дежурный офицер передал с гауптвахты, что толпа солдат ломится в здание и кричит о самосуде. Часть депутатов во главе с Масленниковым отправилась к гауптвахте, а оставшиеся стали обсуждать вопрос о мерах по ее охране. Разсудовский предложил немедленно отправить туда конный караул от 14-го Уланского полка или из казаков, но предложение отклонили, опасаясь спровоцировать столкновение с солдатами. Решено было послать роту пехотинцев или артиллеристов. Тут стало известно,

что комендант крепости Степанов, генерал-майор Васильев и подполковник Кюрениус «были вытаснены толпой из помещения гауптвахты, зверски избиты поленьями дров и брошены с моста в залив».

Члены исполкома и армейского комитета вместе с Сасовым немедленно на трех автомобилях выехали на место трагедии, уговаривали толпу разойтись и не совершать самосуд над генералом Орановским. Однако, несмотря на их популярность, толпа не расходилась. Слышались выкрики: «Совет все равно арестованных выпустит, и они, как бывший комендант Петров¹⁸, получают высшие командные должности». По словам Разсудовского, «три четверти толпы были согласны с доводами членов Совета, что надо расходиться, но меньшая часть» – «кучка в 10–15 солдат» продолжала кричать, что не согласна оставить офицеров на гауптвахте, что Совет укрывает офицеров, поэтому «надо и Совет разгромить». После увещательных речей депутатов толпа как будто собралась разойтись, но, как только отъехал автомобиль, трое-четверо солдат ворвались в помещение и вытащили генерала Орановского. Подпоручик Разсудовский заключает свои показания:

«Среди кучки озверевших я видел серых солдат-бородачей из пьяной праздничной русской деревни, посторонних лиц, провокаторов, или лиц, подсланных неприятелем, не замечено»¹⁹.

Он сообщил, что о случившихся в тот же день убийствах командиров и других офицеров ему «лично ничего не известно, кроме слухов, что полковник Бородин и поручик Куксенко утоплены с балластом, а при убийстве полковника Максимовича пропал бумажник с деньгами»²⁰. Материалы расследования убийства военного инженера полковника И. М. Максимовича, начальника инженеров и строителя Выборгской крепости, свидетельствовали, что это было уголовное преступление, совершенное в момент охватившего Выборгский гарнизон угара самосудов²¹.

По сведениям, приведенным московским исследователем М. И. Капустиным, 29 августа в Выборге были сброшены в воду с Абоского моста и расстреляны 11 полковников и генералов²². Эта расправу нижние чины издевательски называли «офицерская школа плавания». Тех, кто пытался спастись, расстреливали в воде. Кроме офицеров, арестованных одновременно с командиром корпуса, солдаты убили командира Выборгской крепостной минной роты подполковника И. И. Бородина и его адъютанта подпоручика Куксенко, полковника Дунина и подполковника Н. Хапцова, полковника Карповича и подпол-

ковника Глинздича²³. Имеющиеся в распоряжении источники позволяют говорить о 15 жертвах солдатского самосуда, происходившего как в самой крепости, так и в других местах города и его окрестностях [12]. Как подчеркивают Д. А. Бажанов и Р. А. Бугаев, эти трагические события послужили поводом к дальнейшим убийствам офицеров. Основываясь на сентябрьской публикации 1917 года в газете «Петроградский листок», авторы отметили, что, по оценке журналистов, в Выборге погибли 22 офицера [2: 62].

Вопреки распространенному в советской историографии утверждению об определяющем влиянии большевистского слова на солдатские и матросские массы в период «корниловщины», факты уголовных преступлений такого рода вынуждали исследователей признать, что «призывы большевиков к организованности в некоторых случаях не имели воздействия»²⁴. По словам Разсудовского, существование в Выборге двух комитетов – «армейского и Совета» – очень невыгодно отражалось на их деятельности, поскольку каждый считал себя облеченным большими правами и властью. «Отношения между этими двумя комитетами были невыяснены, от большевиков приходилось слышать, что армейский комитет – учреждение мелкобуржуазное»²⁵.

В тот же день, 29 августа, в части 42-го корпуса поступила телеграмма из Выборга, в которой говорилось:

«Получено уведомление, что у Корнилова войска не много, и те идут за ним вследствие обмана. Вся армия верна Временному правительству и Центральному комитету в Петрограде. Наступает везде успокоение. Революционный комитет в Выборге и армейский комитет призывает все части к спокойствию. Командир корпуса отстранен и заменен Елизаровым. Ждите наших распоряжений и уведомлений. Удерживайте всех от самочинных действий»²⁶.

Телеграмму подписали временно назначенный командующим корпусом штабс-капитан М. М. Елизаров, председатель Революционного комитета Богданов и прапорщик А. Масленников.

30 августа на места было отправлено распоряжение за подписью Елизарова, заверенное полковником Шнабелем, исполнявшим должность начальника штаба корпуса, и членами революционного комитета. «Печальные события 29 августа в Выборге» названы в нем «результатом бессознательности и неорганизованности солдат», который помогает «не революции и свободе, а врагам». Новый командир корпуса, облеченный доверием как Выборгского совета рабочих и солдатских депутатов, так и армейского комитета, заявил, что во избежание «эксцессов

и беспорядков» никакие «самочинные действия» без ведома полковых, бригадных, дивизионных, армейских комитетов и Советов недопустимы.

За самочинные аресты, а тем более за расстрелы виновных ждало наказание по всей строгости закона. «Всякие попытки расстрелов будут пресекаться самым решительным образом и всеми имеющимися у демократических организаций и у меня средствами», – предупредил Елизаров²⁷. Решения об арестах отныне могли выносить солдатские комитеты не ниже полкового уровня.

Сразу после подавления корниловского выступления Керенский утвердил Елизарова в должности командира корпуса, а правительственным комиссаром при 42-м армейском корпусе был назначен член ВЦИК меньшевик Н. Д. Соколов. Новый командир вменял в обязанность частям корпуса немедленно и «независимо от Гельсингфорсского революционного комитета» исполнять его приказы²⁸. Об этом же председатель армейского комитета А. Масленников и А. М. Разсудовский как член исполкома Выборгского совета дополнительно проинформировали начальника 14-й кавалерийской дивизии в Вильманстранде (Лаппеенранта).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя не согласиться с наблюдением Б. И. Колоницкого, что «всякий серьезный политический кризис чреват революцией», а «любая революция – потенциальная гражданская война». Поэтому, предчувствуя ее, общество противится братоубийственному конфликту и старается погасить очаги войны [10: 107]. Уже накануне выступления мятежного генерала в русских войсках, дислоцированных в Финляндии, слышны были тревожные звоночки – предвестники скорых трагических потрясений. Как видно из переписки начальника 2-й отдельной Прибалтийской конной бригады со штабом 42-го армейского корпуса, еще до «корниловских событий» в штаб поступило донесение из Гамла Карлебю о том, что 25 августа здесь ожидается выступление против офицеров. По распоряжению командира корпуса Орановского эти сведения проверялись контрразведывательным отделением в Николайстаде (Вааса). Однако в начале сентября 1917 года начальник бригады генерал-майор Прокопе доложил в штаб корпуса, что по отношению к офицерам никаких эксцессов в Николайстаде не было.

Следует отметить, что «дело Корнилова» было быстро ликвидировано и не представляло реальной опасности существовавшему порядку. И все же оно оказало огромное влияние на последующие события, на решение вопроса о госу-

дарственной власти, которую солдаты и матросы еще считали «своей», вопреки ее неправильным, с их точки зрения, действиям. Когда Корнилов выступил против правительства и законного «революционного вождя» Керенского, моряки и армейцы уже были готовы к революционным действиям. Если комитеты были активными, то рядовые военнослужащие их поддерживали, но, когда те медлили, нижние чины действовали самостоятельно. Они ставили охрану у штабов, следили за сообщениями телеграфа и радио, чем зачастую мешали работе связи, арестовывали подозрительных лиц, препятствовали передвижению войск [10: 118–119].

Сразу после Февральской революции 1917 года солдаты и матросы на волне всеобщего «единения» первоначально делегировали право представлять свои интересы наиболее подготовленным для этого «романтикам революции» из среды образованных военных. К лету 1917 года все больше стало давать о себе знать непонимание между «революционными интеллектуалами» и нижними чинами, не имевшими мандатов и полномочий. Это явилось одним из спусковых крючков дальнейшего «углубления» революции и массовой радикализации выборных демократических организаций в финляндских войсках. Определенный кризис наметился и внутри самого «комитетского класса» (термин, использованный специалистом по заключительному периоду истории императорской российской армии

А. Уайльдманом применительно к сообществу членов военных комитетов, прежде всего комитетчиков действующей армии) [8: 17].

Недостаточно реализованная возможность поиска общего языка с основной массой рядовых военнослужащих – одна из причин оторванности «революционных интеллектуалов» из комитетских организаций от солдат и матросов финляндских войск. Из показаний подпоручика А. М. Разудовского следственной комиссии 42-го армейского корпуса становится очевидной нерешительность местных революционных властей, которые не ожидали стихийных выступлений нижних чинов и не смогли противостоять нападению на офицеров, пользовавшихся всеобщей известностью и уважением Выборгского гарнизона. Подтверждением тому стала ситуация, когда «едва не был арестован сам председатель армейского комитета Масленников» [2: 62]. Это делает активистов «комитетского класса» во многом ответственными за кровавые эксцессы в Выборге, ударившие по офицерам гарнизона и крепости во время выступления генерала Корнилова.

Влияние Российской революции 1917 года на события гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. Выборгские события «корниловских дней» стали этапом единого процесса, связавшего переменный переломного времени весны – осени 1917-го с последовавшим гражданским противостоянием в российском и финляндском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; Думова Н. Г. Кончилось ваше время. М., 1990; Зимица В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. 1917–1920. М.: РГГУ, 2006; Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. М., 1986; Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1989; Смолин А. В. Корниловский мятеж и миссия В. Н. Львова // Рабочий класс России, его союзники и политические противники. Л., 1989. С. 289–296; Черняев В., Розенберг У., Актон Э. Критический словарь русской революции. СПб., 2014 и др.
- ² Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны: 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2262. 42-й армейский корпус. Оп. 8. Д. 151.
- ⁴ Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. 223 с.
- ⁵ См. об этом: Годунов К. В., Волохова В. В. «Демократия» против «буржуазии»: язык политического конфликта в марте – сентябре 1917 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145; Годунов К. В., Шумяков Р. А. Язык гражданской войны весной 1917 года // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Под ред. Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 112–199; Тарасов К. А., Шумяков Р. А. Политические кризисы лета 1917 года и использование понятия гражданская война // Там же. С. 215–295.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 32. Л. 25–26 об.; Нищенский А. Полный сборник программ всех политических партий в России. Лумяки (Финляндия): Издание типографии «Воля», 1917; Нищенский А. Почему взбунтовались генералы? Лумяки (Финляндия): Издание типографии «Воля», 1917.
- ⁷ Мятеж корниловский // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А. К. Соколин. Т. 2. М.: Полит. энциклопедия, 2014. С. 465.

- ⁸ Подробнее см.: Бажанов Д. А. Гельсингфорс в дни корниловского мятежа: слом «революционной демократии» на Балтийском флоте? // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора В. И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб.: РГПА им. А. И. Герцена, факультет социальных наук, 2016. С. 265–274; Колоницкий Б. И., Годунов К. В. «Корниловщина» как гражданская война // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918). М., 2025. С. 303–305.
- ⁹ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа / Отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 497.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 39–39 об.
- ¹¹ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, коллекция «Русские военные бумаги», далее – КА). Д. 340. Приказ по 106-й пехотной дивизии от 29 августа 1917 г.
- ¹² КА. Д. 9051. Телеграмма армейского комитета в Торнеоское комендантское управление; Д. 340. Приказы по 421 Царскосельскому полку (нумерация листов отсутствует).
- ¹³ Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 6 сент.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 40.
- ¹⁵ Казанцев Д. Л. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 41 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 41.
- ¹⁸ Александр Карпович Петров (1856 – не ранее 1918), генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, комендант Выборгской крепости (1909–1917).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 41 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 34.
- ²² Капустин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М.: Госполитиздат, 1957. С. 154.
- ²³ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 5, 7, 16, 52.
- ²⁴ Капустин М. И. Указ. соч. С. 154.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 42.
- ²⁶ Там же. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 2–2 об.
- ²⁸ Там же. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов Д. А. Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). СПб.: Астерион, 2022. 384 с.
2. Бажанов Д. А., Бугаев Р. А. Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии в период подавления выступления Л. Г. Корнилова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22 (1-2). С. 55–65.
3. Бугаев Р. А. Влияние Областного комитета Финляндии на армию в момент Октябрьского вооруженного восстания // Клио. 2025. № 6 (222). С. 153–157. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-6222-153-157
4. Гагкуев Р. Г. Гражданская война: конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0
5. Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие: В 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2025. 736 с.
6. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2024. 456 с.
7. Колоницкий Б. И. Введение // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Под ред. Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое лит. обозрение, 2025. С. 7–25.
8. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8
9. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 349 с.
10. Колоницкий Б. И. Семнадцать очерков по истории российской революции. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 144 с.
11. Тарасов К. А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.
12. Dubrovskaja E., Westerlund L. “Upseerienuimakoulu”. Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917 // Venäläissurmat Suomessa 1914–1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922 / Toim. L. Westerlund. Valtioneuvostonkanslianjulkaisusarja. 1/2004. S. 185–216.
13. Nährri M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // Venäläiset Suomessa: 1809–1917. Historiallinen Arkisto. Vol. 83. Helsinki, 1984. S. 161–180.
14. Wildman A. K. The end of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The road to the Soviet power and peace. Princeton; New York, 1987. 443 p.

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

ON THE BRINK OF THE CIVIL WAR: THE EVENTS OF THE 1917 “KORNILOV DAYS” IN THE VYBORG GARRISON

Abstract. The article is based on materials from the Russian State Military Historical Archive and for the first time introduces into scientific circulation the investigative case conducted in the fall of 1917 in the 42nd Army Corps stationed in Finland. The investigation examined the causes and consequences of excesses within the Vyborg garrison during the days of the anti-government rebellion led by General Lavr Kornilov against the Provisional Government. This unrest resulted in an escalation of violence by lower-ranking soldiers against officers of the garrison and fortress. Exploring these archival sources is particularly relevant amid ongoing social and scholarly debates surrounding the events of 1917. Participants of this discourse are trying to determine whether these events constituted a revolution or confusion and to explore the mechanisms for involving ordinary soldiers and sailors in violent actions amid the society’s explosive politicization on the eve of the Russian Civil War. Using the example of the tragic events in the Vyborg garrison, the article demonstrates that processes of “democratization” within the army and navy led to the emergence in elected military committees of ordinary soldiers and lower-ranking officers who were previously alienated from political life and mastered political skills only during the revolution. It is concluded that the insufficiently realized possibility of finding a common language with the bulk of ordinary servicemen was the reason for the isolation of the “committee class” representatives from the soldiers and sailors who initially expressed confidence in them. This disconnect hindered their capacity to protect officers from the excesses accompanying the protest movements of lower ranks and from criminal violence.

Key words: Russian Revolution of 1917, Vyborg garrison, “Kornilov case”, killings of officers, investigative materials

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No 124022000029-0).

For citation: Dubrovskaya, E. Yu. On the brink of the Civil War: the events of the 1917 “Kornilov days” in the Vyborg garrison. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1285

REFERENCES

1. Bazhanov, D. A. Working days of the Baltic dreadnoughts (1914–1917). St. Petersburg, 2022. 384 p. (In Russ.)
2. Bazhanov, D. A., Bugaev, R. A. Activities of the commissars of the revolutionary authorities in Finland during the suppression of Lavr Kornilov’s address. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy*. 2020;22(1-2):55–65. (In Russ.)
3. Bugaev, R. A. The influence of the Regional Committee of Finland on the army at the time of the October armed uprising. *Klio*. 2025;6(222):153–157. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-6222-153-157 (In Russ.)
4. Gagkuev, R. G. Civil War. Conflict without chronology? *Rossiyskaya istoriya*. 2019;1:37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0 (In Russ.)
5. Goldin, V. I. Russian Civil War: comprehension through the century: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2025. 736 p. (In Russ.)
6. Dubrovskaya, E. Yu. Russian servicemen in Finland during World War I (1914–1918). Petrozavodsk, 2024. 456 p. (In Russ.)
7. Kolonitsky, B. I. Introduction. *The name of discord: Political use of the concept of “civil war” (1917–1918)*. (B. I. Kolonitsky, K. V. Godunov, A. V. Reznik, K. A. Tarasov, Eds.). Moscow, 2025. P. 7–25. (In Russ.)
8. Kolonitsky, B. I. From the World War to civil wars (1917?–1922?). *Rossiyskaya istoriya*. 2019;1:3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8 (In Russ.)
9. Kolonitsky, B. I. Symbols of power and the struggle for power: studying the political culture of the Russian Revolution of 1917. St. Petersburg, 2001. 349 p. (In Russ.)
10. Kolonitsky, B. I. Seventeen essays on the history of the Russian Revolution. St. Petersburg, 2017. 144 p. (In Russ.)
11. Tarasov, K. A. Soldier Bolshevism. Military organization of the Bolsheviks and left-radical movement in the Petrograd garrison (February 1917 – March 1918). St. Petersburg, 2017. 376 p. (In Russ.)
12. Dubrovskaya, E., Westerlund, L. “Upseerienuimakoulu”. Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917. *Venäläissurmat Suomessa 1914–1922*. Osa 1. Sotapahtumat 1914–1922. (L. Westerlund, Toim.). Helsinki, 2004. S. 185–216.
13. Nähri, M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. Venäläiset Suomessa: 1809–1917. *Historiallinen Arkisto*. Vol. 83. Helsinki, 1984. S. 161–180.
14. Wildman, A. K. The end of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The road to the Soviet power and peace. Princeton; New York, 1987. 443 p.

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026